

О. Н. Литвинова

Субкультура партизанского движения на Брянщине в годы Великой Отечественной войны

В статье на основании архивных источников анализируется формирование партизанской субкультуры Брянского края во время Великой Отечественной войны. Эволюция традиционных ценностей в условиях военного времени привела к складыванию особой партизанской социальной группы со своими взглядами и представлениями. Партизанская субкультура основывалась на выживании на оккупированных территориях. На нее повлияли географическое и стратегическое положение региона, большой лесной массив, близость или отдаленность фронта и другие факторы. В ней сочетались регионализм и интернационализм, традиционность и новаторство, коллективизм и индивидуализм и другие парадоксальные явления. Большое значение в организации партизанской социальной группы имели семейственность, доверие и гуманное отношение друг ко другу. Партизанская субкультура противостояла не обществу, а оккупационной власти и выполнила свою историческую миссию, отстаив свободу и независимость нашей Родины.

Ключевые слова: партизанское движение, Великая Отечественная война, Брянский край, субкультура, оккупация, ценности, поведение, выживание.

O. N. Litvinova

The Subculture of the Partisan Movement in the Occupied Territories of the Bryansk Region during the Great Patriotic War

The formation of the partisan subculture in the Bryansk region during the Great Patriotic War is analyzed in this article on the basis of archival sources. In the wartime the evolution of traditional moral values led to the emergence of a particular partisan social group with their own views and ideas. The partisan subculture is based on the survival in the occupied territories. It was influenced by the geographic and strategic position of the region, a large forest area, the proximity or remoteness of the front, and other factors. It combines regionalism and internationalism, tradition and innovation, collectivity and individualism and other paradoxical phenomena. The social nepotism, trust and humane attitude to each other were of the great importance in the organization of the guerrilla social group. The partisan subculture is not opposed to society but to the occupying power. It fulfilled its historic mission to defend freedom and independence of our Motherland.

Keywords: a partisan movement, the Great Patriotic War, the Bryansk region, a subculture, occupation, values, behaviour, survival.

Под субкультурой традиционно понимают часть культуры общества, отличающуюся своим поведением, системой ценностей, одеждой, образом жизни и другими аспектами. Несмотря на то, что данный термин стал активно использоваться только во второй половине XX в., представляется вполне адекватным его применение для обозначения некоторых социальных групп предшествующих исторических эпох. В отношении партизанского движения данное понятие еще не фигурировало ни в исторической, ни в культурологической науках. Однако партизаны Великой Отечественной войны имели все традиционные признаки субкультуры: они не составляли большинство населения оккупированных территорий, обладали своими ценностями и представлениями, отличались образом жизни, своеобразным языком и манерами поведения. Особенно ярко субкультура партизанского движения проявилась

на Брянщине – в одном из наиболее интенсивных регионов сопротивления оккупантам, входившем на тот момент в состав Орловской области.

Жителям Брянского региона пришлось приспособиться к новой оккупационной повседневности, не обладая опытом выживания в экстремальных условиях, но в этой борьбе за существование и формировалась особая партизанская субкультура. В значительной степени на этот процесс повлияло особое географическое положение Брянского края на стыке нескольких областей трех советских республик (Российской, Украинской и Белорусской). По верному замечанию одного из организаторов партизанского движения И. Г. Старина, «отрывать российских партизан от белорусских и украинских неправильно» [3, с. 257]. Некоторые отряды приходили на Брянщину с оккупированных Курской, Смоленской, Калужской областей, с Орловщины, из

Украины и из Белоруссии, засылались из советского тыла [9, с. 470]. В то же время многие жители Брянского региона сражались в сопредельных районах СССР. Расположение в регионе интенсивного кросс-культурного синтеза трех восточнославянских народов оказало влияние на ментальность представителей партизанской субкультуры. Например, в партизанском движении проявились такие традиционные черты русского национального характера, как терпимость и человеколюбие. Первое качество нашло отражение в толерантном отношении партизан к тем советским гражданам, кто насильственно был загнан во вспомогательные части оккупантов. Эти люди в случае перехода без особых препятствий принимались в состав партизанских отрядов [12, д. 57, л. 200–204]. Человеколюбие партизан проявилось в стремлении помочь пострадавшим от немецко-фашистских захватчиков, с которыми они нередко делились имеющимися у них запасами, скрывали у себя в лесу от карателей [3, д. 52, л. 261–284].

Близость других славянских народов повлияла и на бытовые черты партизанской субкультуры. Так, продовольственная проблема в оккупации нередко решалась за счет картофеля, традиционного продукта белорусской и украинской кухни, из которого, по воспоминаниям партизанского врача А. Туманяна, «отрядные повара ухитрялись... готовить вполне приличные горячие блюда» [11, с. 224]. Различные кушанья из картофеля помогали скрасить скудный партизанский рацион и стали важнейшим элементом партизанского питания. Но, несмотря на интернационализм партизан Орловской области, где воевало 17,5 тыс. русских, 4 тыс. украинцев, 2,5 тыс. белорусов, 1,8 тыс. представителей других национальностей [10, с. 60], региональная обособленность партизанского движения не была преодолена до конца. В то же время регионализм партизан имел и положительные последствия, поскольку отряды объединяли родственников, соседей, друзей, коллег, которые знали друг друга еще до войны.

Близость людей определяла такую важную черту партизанской субкультуры, как семейственность, то есть предоставление ключевых должностей людям, пользующимся доверием командира и его окружения, нередко связанных родственными отношениями. Таким образом, положение человека в партизанской группе часто определялось не его профессиональными навыками или квалификацией, а авторитетом среди большей части партизан и близостью к командо-

ванию. Например, в партизанском отряде «За Родину» в августе 1942 г. должности командира и начальника штаба занимали Корнев и Беликов, которые, по мнению профессиональных военнослужащих, «не имеют совершенно военной подготовки. Ориентироваться в обстановке, вести разведку и строить оборону не умеют...» [12, д. 4, л. 46–47]. Партизанская субкультура была достаточно закрытой: попадание в партизанскую группу выходцев из других местностей и военнослужащих, не имевших прямых связей с жителями Брянщины, было затруднено. Это снижало боевую эффективность в прямых столкновениях с оккупантами, но давало определенное преимущество в партизанской борьбе. Семейственность в значительной степени предохраняла отряды от шпионства и предательства, повышала их взаимовыручку в бою, увеличивала взаимосвязь с местным населением, спланировала партизан как социальную группу, что отчасти признавали и в партизанском отряде «За Родину», констатируя, что «настроение бойцов здоровое», несмотря на то, что «комиссар отряда мало вращается среди бойцов» [12, д. 4, л. 47].

Закрытость и семейственность также определялись скудной продовольственной базой партизан. Из-за нехватки ресурсов население Брянского края могло поддерживать, главным образом, те формирования, которые столовались у своих родственников, соседей, друзей и взамен давали им защиту от оккупантов. О такой организации, в частности, писал в своих воспоминаниях один из активных участников партизанского движения на Брянщине В. Андреев: «Никакой материальной базы наша группа не имела, не было даже продовольственных запасов. Члены отряда питались как могли и где могли, местные – чаще всего дома или запасались из дому сухим пайком... Труднее было пришельцам, людям не местным. Они питались по дворам во время разведок, по аттестату “дай пообедать, тетенька”» [2, с. 142–143]. Такое положение во многом и предопределило регионализм партизанской субкультуры. Партизанские отряды возникали на базе одного или нескольких сел определенного района и старались действовать в его границах или на близлежащих территориях. Не случайно многие отряды в 1941–1942 гг. носили названия своих районов: Клетнянский, Погарский, Трубчевский, Брянский городской и др. Таким образом, формирование субкультуры партизан проходило в знакомой местности и привычном окружении, что способ-

ствовало более быстрой психологической адаптации к новым условиям оккупации.

Еще одной значительной особенностью Брянщины, оказавшей непосредственное влияние на партизанскую субкультуру, было то, что через эту территорию проходили важные железнодорожные и транспортные узлы трех республик. Это давало возможность захвата немецких стратегических грузов для пополнения боекомплекта, продовольственных и иных запасов, отвлекало большое количество немецких частей для охраны транспортных артерий в ущерб отдаленным от них территориям, что имело значительные последствия. Как справедливо гласила одна из пословиц военного времени, «в Брянском лесу много таких дорог, где ни разу не ступал фашистский сапог» [7, с. 190]. Такие свободные от постоянного присутствия противника территории послужили основой для создания партизанских краев и зон, где и протекала партизанская повседневность. Обеспечение относительной безопасности этих районов требовало не только организации охраны, расширения числа лиц, связанных с партизанами, но и постоянной активности на вражеских коммуникациях для отвлечения сил противника. Поэтому важным структурным элементом партизанской субкультуры была регулярная боевая деятельность в тылу врага. Она была не только следствием патриотизма партизан, их желания помочь Красной армии, но и вызывалась жизненной необходимостью. Оккупантам, занятым охраной коммуникаций, особенно в периоды немецких наступлений на фронтах, просто не хватало сил, чтобы окончательно покончить с партизанским движением.

Особую роль в этом отношении играл и значительный лесной массив, затруднявший проведение немцами карательных операций и предопределивший образование свободных от врага районов. Значение брянского леса в партизанской субкультуре прекрасно охарактеризовал один из участников движения: «Лес этот для партизанского народа удобный, непролазный, с дубами толщиной вот с эту хату, с соснами в четыре обхвата. Есть места, где ни конем не проехать, ни пешком не пройти – густота такая. А елки... такие, что под их ветвями в самую лютую зиму удерживается летнее тепло» [4, с. 104–105]. Лесные массивы Брянщины были прекрасным местом для создания партизанских баз, давали защиту, продукты питания и отдых бойцам, приходящим с боевых налетов, укрывали их в трудные дни карательных операций, позволяли партиза-

нам устраивать засады и неожиданные нападения, пугали врага и заставляли его стороной обходить лесные чащи. Именно в лесистых районах партизанская субкультура распространилась наиболее широко.

В силу своего географического положения Брянский край на протяжении многих столетий являлся тем бастионом, который во времена тяжелых испытаний для России заслонял врагам дорогу к центру страны или причинял значительные неудобства вражескому тылу. В период Древней Руси Брянщина была одним из центральных пунктов обороны против кочевников, в годы Смутного времени ее жители сдерживали отряды польских интервентов, в 1812 г. участвовали в партизанском движении. В годы Великой Отечественной войны популярностью среди партизан пользовались такие поговорки, пословицы, частушки: «Брянский лес – исстари Москвы защитник», «В лесах Брянских полегло много врагов славянских», «В Брянских лесах били врагов не раз, разобьем и сейчас», «Незванные гости оставляют в Брянских лесах свои кости» и др. [7, с. 13, 188]. Все это свидетельствует об определенной степени осознания представителями партизанской субкультуры своей исторической роли. Безусловно, среди партизан были идейные борцы за советский строй, но значительная часть бойцов в тылу врага руководствовалась и патриотическими мотивами. Оккупация региона воспринималась партизанами как временное явление – очередное нашествие врагов на Родину, которые, как и в прежние времена, будут разбиты. Многие из участников борьбы в тылу врага имели веру в конечную победу, основанную не только на убеждении в превосходстве социалистического строя, но и на уверенности в традиционной силе России и Брянщины как ее неотъемлемой части. Советские и патриотические мотивы тесно перемешались в партизанском творчестве. Так, Герой Советского Союза брянский партизан и комсомолец Филипп Стрелец ассоциировался в годы войны в народной песне о нем, записанной В. Андреевым, с легендарным богатырем Брянычем, бившим французов в 1812 г. и ушедшим в лес до следующего нападения врага. Когда пришли захватчики, он был разбужен дубом, которому самолет из Москвы сбросил специальную грамоту от Сталина [4, с. 105–107]. Парадоксально, но вождь советского народа, болевший в 1930-е гг. с религиозными представлениями, и его защитники приобретали в партизанской субкультуре мистические черты. Из уст в

уста передавались слухи о большой и хорошо вооруженной партизанской армии, скрывающейся в брянских лесах. Увеличивали почву для таких слухов дерзкие операции против захватчиков. Это побуждало население вступать в контакты с лесными мстителями, помогать им. Партизанские лидеры приобретали ореол народных героев. Люди были уверены, что их смерть в борьбе с врагом будет не напрасной, что за них отомстят. Следовательно, важной чертой партизанской субкультуры было осознание своей исторической миссии, руководство традиционными мотивами борьбы за Родину.

Таким образом, субкультуру участников партизанского движения определяло множество объективных факторов: географическое положение, природные условия, традиции региона, экономический потенциал области, близость транспортных коммуникаций и др.

В отличие от иных субкультур, субкультура партизанского движения была нацелена на борьбу за свое существование, поскольку развивалась в экстремальных условиях. Партизан постоянно находился между жизнью и смертью, поэтому его отдельные поступки могли быть иррациональны, что определялось стремлением выжить на оккупированной врагом территории. В советской историографии часто говорилось о неразрывной связи партизанского движения с борьбой всего советского народа против фашистских захватчиков, боевыми действиями Красной армии [6]. Однако, несмотря на создание Центрального штаба партизанского движения (ЦШПД) в мае 1942 г., борьба с оккупантами часто складывалась стихийно и независимо от него. Безусловно, партизаны осознавали свою связь и свои обязанности перед советской Родиной, но для них это была прежде всего борьба за выживание. Оставшись без помощи, брошенные на произвол судьбы, советские граждане в оккупации выбирали разные способы выживания. Кто-то сотрудничал с оккупантами, кто-то просто выполнял свои трудовые обязанности независимо от власти, а кто-то пытался от них уклониться. Часть населения ушла в отряды народных мстителей, где и сформировала особую партизанскую субкультуру.

Как любая субкультура партизаны негативно относились к попыткам навязывания ценностей большинства, что заметно усилилось с возникновением ЦШПД. Отсюда многочисленные конфликты, возникавшие между партизанами и прибывавшими с большой земли работниками НКВД, партийными и советскими деятелями.

Унификация, которая проводилась в партизанских отрядах, вызывала противодействие. Об этом, например, свидетельствует следующий документ: «Товарищ Гладштейн, младший командир, кандидат ВКП(б) в связи с введением твердого внутреннего распорядка в роте и требованием комсостава выполнять последний в присутствии личного состава роты заявил: “Я присягу Красного партизана принимать не буду, потому что заведены ненужные для партизан порядки”» [12, д. 244, л. 29–30]. Несмотря на введение в партизанскую жизнь новых элементов: ячеек НКВД, политической службы, субординации и строгой дисциплины, – основные черты вольной партизанской субкультуры сохранились.

В отличие от многих субкультур, партизаны не противопоставляли себя обществу, а старались с ним сотрудничать, потому что партизанское движение было немыслимо без поддержки местного населения. Поэтому партизаны противостояли не общественным ценностям, а тому, что пыталась навязать оккупационная власть. Это, например, проявилось во внешнем облике партизана, который отличался значительной пестротой. Хотя Гагская конвенция «О законах и обычаях войны», на которую ссылались немцы, предписывала ношение партизанами особых знаков отличия, на деле это далеко не всегда соблюдалось. Партизаны одевались в то, что было на них в начале войны, в то, что добывалось в виде трофеев или жертвовало местное население. В некоторых отрядах одежду и обувь изготавливали самостоятельно. Обмундирование с большой земли доставлялось по остаточному принципу.

Внешний облик партизана подчинялся двум основным задачам. С одной стороны, для немцев партизаны должны были сливаться с местным населением. С другой стороны, среди местных жителей они должны были выделяться как люди, знаменующие собой власть и ведущие боевые действия. Состав партизанских отрядов был очень разнообразен, но в нем можно выделить несколько групп, которые отличались в том числе и по внешнему облику. Это военнослужащие, которые состояли из окруженцев и бежавших военнопленных. Они, как правило, носили военную форму и были в наихудшем положении с одеждой, не имели смены белья, теплой одежды и обуви. По воспоминаниям В. Андреева, «в самую лютую пору декабрьских морозов на двух-трех бойцов приходилась одна пара валенок... валенки, являвшиеся собственностью отдельных членов группы, передавались на время вылазок

тем, кто должен был принимать участие в операции» [2, с. 144]. Это, безусловно, отрицательно сказывалось на боеспособности отрядов. Вторую группу составляли бывшие советские и партийные деятели, к которым обычно примыкали люди, прибывавшие с большой земли. Они одевались за счет обмундирования, которое было оставлено на складах для истребительных батальонов или доставлялось из тыла, поэтому имели как гражданскую, так и военную одежду и старались сохранить свое форменное отличие. Третью группу составляли партизаны из местных жителей, которые одевались в то, что удалось захватить из дома. Они были достаточно неплохо обеспечены одеждой и ничем не отличались от местного населения, что помогало скрываться от вражеских карателей.

Правила поведения в партизанской субкультуре определялись обстановкой, в которой зарождалось движение. Поскольку в первый год войны оно существовало вне контроля со стороны советских и партийных органов, формировалось, как правило, на добровольной основе, в партизанском движении Брянщины существовали достаточно вольные порядки, основанные на прямой демократии. Руководство отрядов, как правило, избиралось всеобщим голосованием. Отношения партизан были достаточно теплыми и близкими. Многие хорошо знали друг друга до войны. К военным, вливавшимся в отряды, первое время относились с недоверием, устраивали им проверки. Например, Герой Советского Союза лейтенант М. Сельгигов долгое время вынужден был сражаться рядовым бойцом в отряде им. Чапаева [1, с. 29]. Также с рядовых начинал свою деятельность в партизанском движении и кадровый офицер В. Андреев [2, с. 3]. Те, кто достаточно хорошо проявил себя, могли занять достаточно высокое место в партизанской иерархии. Те же, кто не показывал боевой выучки, долго оставались простыми бойцами. Такая доверительная обстановка исключала возможность предательства. Да и вести себя по другому в условиях войны было чревато, потому что свои могли просто убить недовольного во время боевой операции [12, д. 6, л. 136]. В 1942 г. в связи со значительным увеличением количества прибывавших с Большой земли доверительная обстановка постепенно разрушалась. Представители советской власти начали отстранять выбранных партизанских командиров. Поэтому в отрядах формировались группировки, которые вели борьбу за свои прежние позиции [12, д. 6, л. 138].

Противоречия ухудшали сложившуюся обстановку, увеличилось количество конфликтов на бытовой почве, негативных высказываний [12, д. 52, л. 261–284].

Тяжелые условия войны формировали особую систему партизанских ценностей. Кратко ее сформулировал С. А. Ковпак: «Надо делать так, как народ хочет» [5, с. 250]. В основе аксиологии партизанской субкультуры были традиционные народные ценности: взаимовыручка, взаимоуважение, поддержка слабых, приоритет коллективных интересов над личностными. Человек был, прежде всего, частью отряда и нес ответственность за все в нем происходящее. В то же время большую роль для партизан играли родственные узы и семейные ценности. Многие шли в отряды целыми семьями. Родственники партизан подвергались огромной опасности, поэтому партизаны, в первую очередь, стремились «определить свою семью, а затем идти на оборону» [12, д. 4, л. 54]. Советское командование не понимало данного стремления. Семейственность включалась в разряд негативных явлений, с которыми боролись партийные органы и ячейки НКВД [12, д. 45, л. 63]. Однако семейственность была рациональной формой организации партизанского движения, оберегала отряды от проникновения шпионов, содействовала партизанской взаимовыручке и связи с местным населением.

В условиях оккупации в партизанской субкультуре зародился и особый язык, который хорошо отражен в партизанском фольклоре. Формируются партизанские песни, пословицы, поговорки [7]. Факторами, которые влияли на формирование партизанского сленга, были устное народное творчество, советская и немецкая пропаганда, попадавшая в отряды в виде листовок и газет, характер боевых действий, успехи Вермахта или Красной армии и др. Появилась собственная система понятий и терминов, которая использовалась в документах партизан и разговорах между ними.

Таким образом, в годы войны сформировалась особая партизанская субкультура, которая сочетала в себе как военную повседневность, так и черты мирного времени. С одной стороны, в условиях постоянной угрозы партизаны были вынуждены бороться за выживание, вести регулярные боевые действия, что отражалось в культуре их поведения. С другой – партизан нельзя назвать полноценными военнослужащими. Они сохраняли традиционные семейные ценности, активно обустроивали быт, занимались мирным

трудом в освобожденных краях и зонах, чтобы обеспечить свое существование. Субкультура партизанского движения, сочетавшая интернационализм и регионализм, рационализм и иррациональность, волеизъявление и дисциплинированность, традиционность и новаторство, семейственность и индивидуализм, была уникальным детищем военного времени и постепенно прекратила свое существование после освобождения Брянщины в сентябре 1943 г.

Библиографический список

1. Агарков, Б. М. Партизанские тропы [Текст] / Б. Агарков. – Элиста : Калмиздат, 1964. – 76 с.
2. Андреев, В. А. Народная война [Текст] / В. Андреев – Л. : Лениздат, 1961. – 407 с.
3. Боярский, В. И. Партизаны и армия: История утерянных возможностей [Текст] / В. И. Боярский ; под общ. ред. А. Е. Тараса – М. : АСТ, 2003. – 304 с.
4. Брянские партизаны [Текст] // Боевой рапорт тов. Сталину и воспоминания – Брянск : Брянский рабочий, 1951. – 209 с.
5. Вершигора, П. П. Люди с чистой совестью [Текст] / П. Вершигора – М. : Вониздат, 1947. – 408 с.
6. Литвинова, О. Н. Этика партизанского движения в историографии Великой Отечественной войны [Текст] / О. Н. Литвинова // Вопросы отечественной и зарубежной истории, политологии, социологии, теологии, образования : материалы конференции «Чтения Ушинского» – Ярославль : РИО ЯГПУ, 2014. – С. 162–167.
7. Партизанские пословицы и поговорки [Текст] / сост. П. Ф. Лебедев. – Курск : Кн. изд-во, 1958. – 208 с.
8. Партизанское движение: По опыту Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: Воен.-ист. очерк [Текст] / Н. Ф. Азяский, М. С. Долгий, А. С. Князьков и др. ; под общ. ред. В. А. Золотарева; Жуковский – М. : Кучково поле, 2001. – 464 с.
9. Партизаны Брянщины [Текст] : сборник документов и материалов о Брянском партизанском крае в годы Великой Отечественной войны / сост. З. А. Петрова, А. И. Ткаченко, И. И. Фишман. – 2-е изд., испр. и доп. – Тула : Приокское книжное издательство, 1970. – 488 с.
10. Подвиг народа [Текст] / под. ред. П. А. Жилина. – М. : Наука, 1981. – 224 с.
11. Судоплатов, Н. П. Записки партизанских врачей [Текст] / Н. П. Судоплатов, А. А. Туманян – Тула : Приокское книжное издательство, 1989. – 269 с.
12. Центр новейшей истории Государственного архива Брянской области – Ф. 1650. – Оп. 1.

Bibliograficheski spisok

1. Agarkov, B. M. Partizanske tropy [Tekst] / B. Agarkov. – Jelista : Kalmizdat, 1964. – 76 s.
2. Andreev, V. A. Narodnaja vojna [Tekst] / V. Andreev – L. : Lenizdat, 1961. – 407 s.
3. Bojarskij, V. I. Partizany i armija: Istorija uterjannyh vozmozhnostej [Tekst] / V. I. Bojarskij ; pod obshh. red. A. E. Tarasa – M. : AST, 2003. – 304 s.
4. Brjanskije partizany [Tekst] // Boevoj raport tov. Stalinu i vospominanija – Brjansk : Brjanskij rabochij, 1951. – 209 s.
5. Veršigor, P. P. Ljudi s chistoj sovest'ju [Tekst] / P. Veršigor – M. : Vonizdat, 1947. – 408 s.
6. Litvinova, O. N. Jetika partizanskogo dvizhenija v istoriografii Velikoj Otechestvennoj vojny [Tekst] / O. N. Litvinova // Voprosy otechestvennoj i zarubezhnoj istorii, politologii, sociologii, teologii, obrazovanija : materialy konferencii «Chtenija Ushinskogo» – Jaroslavl' : RIO JaGPU, 2014. – S. 162–167.
7. Partizanske poslovicy i pogovorki [Tekst] / sost. P. F. Lebedev. – Kursk : Kn. izd-vo, 1958. – 208 s.
8. Partizanskoe dvizhenie: Po opytu Velikoj Otechestvennoj vojny 1941–1945 gg.: Voen.-ist. ocherk [Tekst] / N. F. Azjasskij, M. S. Dolgij, A. S. Knjaz'kov i dr. ; pod obshh. red. V. A. Zolotareva; Zhukovskij – M. : Kuchkovo pole, 2001. – 464 s.
9. Partizany Brjanshhiny [Tekst] : sbornik dokumentov i materialov o Brjanskom partizanskom krae v gody Velikoj Otechestvennoj vojny / sost. Z. A. Petrova, A. I. Tkachenko, I. I. Fishman. – 2-e izd., ispr. i dop. – Tula : Priokskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1970. – 488 s.
10. Podvig naroda [Tekst] / pod. red. P. A. Zhilina. – M. : Nauka, 1981. – 224 s.
11. Sudoplatov, N. P. Zapiski partizanskih vrachej [Tekst] / N. P. Sudoplatov, A. A. Tumanjan – Tula : Priokskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1989. – 269 s.
12. Centr novejshej istorii Gosudarstvennogo arhiva Brjanskoj oblasti – F. 1650. – Op. 1.